

УДК 327 (075)

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-125-133

ДЕСТРУКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДОМИНИРУЮЩИХ ФУНКЦИЙ ТЕРРОРИЗМА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

DESTRUCTIVE ORIENTATION OF THE DOMINANT FUNCTIONS OF TERRORISM IN THE GEOPOLITICAL PROCESS

*А. К. Шаранов, Забайкальский государственный университет, г. Чита
aksh50@rambler.ru*

A. Sharapov, Transbaikal State University, Chita

В статье дана характеристика деструктивных функций политического терроризма, которые наиболее активно проявляются в современном политическом процессе. К таким функциям автор относит политическую, экономическую, идеологическую, международную, морально-психологическую, организационно-мобилизующую и криминогенную. Отмечено, что в основе политической функции лежит ориентированность террористических сил на захват власти или прямое давление на властные политические институты и общество в целом, деятельность которых опирается в основном на прямое, неограниченное вооружённое насилие. Экономическая функция терроризма непосредственно связана с нанесением значительного материального ущерба экономике государства, группе государств, мировому экономическому сообществу через осуществление террористических актов по всему спектру экономического пространства государства или целому геополитическому региону. Идеологическая функция нацелена на формирование и внедрение в общественное сознание, террористическую среду радикальных идей, особых нравственных ценностей, специфических символов, выстраиваемых на примате вооруженного насилия в реализации заявленных террористами политических целей. Также раскрыто содержание международной, морально-психологической, организационно-мобилизующей и криминогенной функций, которые носят ярко выраженный деструктивный характер

Ключевые слова: *политический процесс; общественное сознание; функции терроризма; политическая функция терроризма; экономическая функция терроризма; международная функция терроризма; идеологическая функция терроризма; морально-психологическая функция терроризма; организационно-мобилизующая функция терроризма; криминогенная функция терроризма*

The article presents the nature of the destructive functions of political terrorism that are most actively manifested in the current political process. The author emphasizes political, economic, ideological, international moral, psychological, organizational, mobilizing and criminogenic functions. The political function is based on the orientation of terrorist forces, seizure of power or direct pressure on powerful political institutions and society. The activities of such forces is generally supported by direct and unrestricted armed violence. The economic function of terrorism is directly related to the significant material damage to the economy of the state, a group of states, the world economic community, through the sale of terrorist the entire spectrum of the state's economic space or the whole geopolitical region. The ideological function is aimed at the formation and implementation in the public consciousness-terrorist environment of radical ideas, special moral values, specific symbols built on the primacy of armed violence in implementation of political goals stated by terrorists. The article is also disclosed content of international, moral and psychological, organizational and mobilizing criminogenic functions, which have a pronounced destructive nature

Key words: *political process; public consciousness; functions of terrorism; political function of terrorism; economic function of terrorism; international function of terrorism; ideological function of terrorism; moral-psychological function of terrorism; organizational and mobilizing function of terrorism; criminogenic function of terrorism*

Введение. Современное общество столкнулось с крайне опасным социально-политическим явлением — политическим терроризмом, выполняющим деструктивную роль, ориентированную на разрушение его устойчивого развития. Опираясь на неограниченное насилие, терроризм подвергает опасности функционирование основных систем общества: экономическую, социальную, юридическую, культурную и собственно политическую.

Для более детального анализа политического терроризма, раскрытия его содержания есть основание выделить главные функции терроризма, выполняющие негативную роль в динамично развивающемся политическом процессе. В контексте рассматриваемого вопроса функции политического терроризма определяются как внешнее проявление и воздействие данного социально-политического явления по отношению к обществу и его политической системе в многомерном измерении.

Одна из первых попыток выделить функции политического террора реализована в 1902 г. на страницах печатного органа партии социалистов-революционеров «Революционная Россия». В передовой статье «Террористический элемент в нашей программе» одна из функций определяется как «эксциативная», т. е. агитационно-возбуждающая, выражающаяся в стимулировании всех форм и способов борьбы с царским режимом. В этом плане «агитация» террором эсеровской организацией рассматривается важнейшей составляющей в борьбе с существующим режимом; «устрашающая» функция оценивается в качестве демонстрации силы со стороны крайне радикальных политических структур, их решимости в противостоянии с действующей властью; «дезорганизирующая» — ориентирована на то, чтобы парализовать устойчивое функционирование органов государственного управления; «самозащиты» — выступает, по мнению автора статьи, средством самообороны от действий сил полиции [10]. Несмотря на то, что статья опубликована в начале прошлого века, она сохраняет актуальность и в настоящее время.

Однако необходимо ввести определенные коррективы, так как выделенные функции ориентированы в основном для «внутреннего потребления», по своему содержанию носят ограниченный характер по отношению к современным параметрам глобализованного политического мира.

Анализируя террористический процесс последних десятилетий, полагаем, что к основным функциям политического терроризма следует отнести политическую, экономическую, международную, идеологическую, морально-психологическую, организационно-мобилизующую, криминальную. Находясь в диалектическом взаимодействии, данные функции, проявляясь, отражают внутреннее содержание политического терроризма как целостного деструктивного явления.

Политическая функция терроризма ориентирована на захват власти или прямое давление на властные политические институты и общество в целом, осуществляемое со стороны террористических сил, опирающихся в своей деятельности в основном на прямое вооружённое насилие. Одним из основных направлений в реализации данной функции является максимально возможное снижение уровня управляемости политическим процессом со стороны органов действующей государственных власти.

Обострение социальных, национальных, конфессиональных отношений между различными слоями и группами населения, создание атмосферы хаоса рассматривается террористическими силами одним из основополагающих направлений их деятельности.

Такое состояние социума определяется террористическими структурами одним из ключевых факторов в борьбе за власть и овладение ею. Дискредитация органов государственного управления в общественном сознании, подрыв их авторитета, стремление продемонстрировать политическую недееспособность властных институтов в установлении законности и правопорядка, разрушение базовых основ демократического мироустройства является

ся важнейшей составляющей данной функции. Как подчеркивается в рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы, терроризм подрывает основы демократии и функционирование парламентских институтов, представляет серьезную угрозу демократическому обществу, разрушает его моральную и социальную ткань [4]. В силу этого в параметрах политической функции основными объектами террористической деятельности выступают сложившийся общественный строй, политические институты государства, его территориальная целостность, политические партии, общественные движения, отстаивающие демократические ценности. В её сфере непосредственно оказываются их лидеры и рядовые члены, различные социальные группы и слои общества, сложившиеся классовые, религиозные, этнонациональные, международные отношения, от гармоничного развития которых в значительной степени зависят прочность и устойчивость функционирования политической системы общества в целом.

Одновременно террористическим атакам подвергаются политическая стабильность, управляемость социальными процессами, безопасность государства и его символы, духовные ценности, ориентиры общественной жизни.

Другой составляющей политической функции являются создание необходимых организационных, идеологических, материально-технических, морально-психологических условий для консолидации террористических структур; усиление их идейно-политической сплоченности, внутренней организованности в условиях открытой вооруженной борьбы с государством и общественно-политическими силами, противостоящими терроризму. Последние разворачивающиеся события в Сирии свидетельствуют о том, что политическая функция терроризма проявляется и в стремлении террористических сил, захвативших власть на определённой части геополитического пространства (ИГИЛ), её удержать в условиях открытой фронтальной вооружённой борьбы с государством.

Идеологическая функция нацелена на формирование и внедрение в общественное сознание, террористическую среду радикальных идей, особых нравственных ценностей, специфических символов, ориентированных на примат вооруженного насилия в реализации заявленных террористами политических целей.

Несущим мотивационным основанием данной функции выступают идеи расизма, национализма, религиозного фундаментализма, классовой, социальной нетерпимости, крайнего революционизма.

В настоящее время наблюдается активный процесс, когда экстремистские силы стремятся политизировать религию, используя её как инструмент политической мобилизации, морально-идеологического основания для оправдания своей террористической деятельности. Как отмечает Б. Хоффман, «для террориста-фанатика насилие – это, прежде всего, священное действие или божественная обязанность, творимая по прямому требованию веры. Таким образом, терроризм приобретает некое сверхъестественное измерение, а сами террористы перестают быть связанными политическими, моральными или практическими нормами, которые сдерживают других террористов» [11].

Ориентированность на приоритет вооруженного насилия отражена в идеологической платформе экстремистской организации «Хамас», существующей под названием «Путь Аллаха». В ней утверждается следующий идеологический примат: «Израиль существует до тех пор, пока ислам не уничтожит его, как он уничтожил своих врагов... Джихад – часть веры. Тот, кто отказывается от джихада, тот отказывается от веры... Не существует никакого решения палестинской проблемы, кроме священной войны» [3].

Необходимой составляющей данной функции является нацеленность на формирование в обществе, его отдельных социальных слоях, группах атмосферы сочувствия и даже поддержки по отношению к деятельности террористических структур. Как показывают факты последнего време-

ни, террористической организации ИГИЛ, применяя разнообразные методы идеологического воздействия на различные слои и группы общества, удалось рекрутировать в свои ряды значительную часть населения не только в самой Сирии, но и за пределами государства. По оценке Министерства обороны РФ, численность боевиков-иностранцев, воюющих на стороне «Исламского государства», в 2015 г. составляла 25...30 тыс. [6]. «По подсчетам российских спецслужб, на стороне ИГИЛ воюет (воевало на 2015 г. – А. Ш.) 1700 россиян, по заявлению независимых экспертов, эта цифра больше 2000. Сами представители «Исламского государства» заявляют, что русский язык стал третьим по популярности в террористической организации после арабского и английского. В основном воевать за идеалы ИГИЛ отправляется молодежь» [5].

Одновременно реализуется задача по нейтрализации антитеррористических настроений в различных слоях общества, особенно в деятельности политических организаций демократической ориентации. Еще в 1940 г. американский поэт А. Макклиш о подобном алгоритме политического и нравственного поведения писал, что убийство перестает считаться аморальным не тогда, когда совершается акт убийства, а тогда, когда кому-то удается убедить людей в том, что убийство не есть зло. Это в полной мере непосредственно относится и к самой террористической среде, в которой интенсивно осуществляется процесс пересоздания личности, приобретение особых качеств, отвечающих интересам террора и тем политическим силам, которые за нею стоят. В последующем подобный тип личности способен сам транслировать в окружающее социальное пространство крайние радикальные идеи мобилизующей и разрушающей направленности.

Экономическая функция терроризма непосредственно связана с нанесением значительного материального ущерба экономике государства, группе государств, мировому экономическому сообществу через осуществление террористических актов по

всему спектру экономического пространства государства или целому геополитическому региону. Реализация данной функции, как показывает сложившаяся террористическая практика, приводит не только к значительным прямым материальным потерям. В данном случае они приобретают отсроченный характер и связаны с разрушением сложившихся связей и отношений между субъектами экономической деятельности, снижением финансовой стабильности на локальном или региональном уровнях. Активно продуцируется обстановка высоких рисков по вложению финансовых ресурсов в развитие отдельных отраслей экономики или целых регионов. Ослабляется доверие к участникам экономической деятельности, что ведет к снижению деловой активности и созданию экономических барьеров между ними. По оценкам специалистов, приблизительно 1 трилл. долл. был изъят из экономики США в результате событий 11 сентября 2001 г. Стало очевидным, что тактика террора способна не только посеять страх в сознании американского общества, но и причинить существенный урон экономике такого мощного в военно-экономическом отношении государства, как США [9].

Важной составляющей экономической функции является изнурение экономики государства с помощью систематического нанесения террористических ударов по различным объектам промышленной, транспортной инфраструктуры. Например, подобная тактика активно применялась в Ираке. Непрерывные диверсии на нефтепроводах поставили страну на грань экономической катастрофы.

Другой особенностью выступает вынужденная необходимость в создании многоуровневой системы безопасности во всех сферах общества, что приводит к значительным материальным затратам. Одновременно экономическая функция ориентирована на всестороннее финансово-экономическое обеспечение непосредственно самой террористической деятельности сил терроризма. Как показывает анализ, политический терроризм только тогда способен активно функционировать,

когда сами экстремистские структуры обладают достаточными экономическими ресурсами. По мнению И. Бочарникова, стратегической целью террористических корпораций является установление с их стороны «... контроля над целыми государствами с целью извлечения максимальной прибыли из эксплуатации их ресурсов» [1]. Логическим следствием подобного рода деятельности становится создание режима наибольшего «благоприятствования» для активного финансирования террористических структур. По оценке специалистов, только содержание действующих в Сирии террористических сил, численность которых в 2015–2016 гг. составляла до 110 тыс. боевиков, оценивалось до 473,1 млн долл. в год [5].

Подобный уровень финансового обеспечения стал возможным как при мобилизации внутренних ресурсов ИГИЛ, так и активной помощи со стороны монархий Ближнего Востока.

Таким образом, на международном уровне формируется новая нелегитимная, некая внесоциальная политическая сила, которая ориентирована на кардинальную трансформацию сферы экономического влияния и ее использование в своих прагматических, террористических целях.

Международная функция политического терроризма реализуется через:

– провоцирование и обострение отношений между различными странами, политическими, экономическими, военными союзами на локальном или региональном уровнях;

– создание и расширение районов, зон с доминирующей вооруженной конфронтацией.

Это позволяет осложнить международное положение государства с сопредельными странами, международным сообществом при одновременном наращивании конфликтности в контролируемых террористами районах и на прилегающих к ним территориях. Усиление дестабилизирующей обстановки в пределах государства становится поводом для вмешательства третьих сил или стран в его внутреннюю и

внешнюю политику. Такое развитие событий способно привести к полной или частичной потере государственного суверенитета.

В настоящее время международная функция политического терроризма приобретает качественно новый аспект, непосредственно связанный с нарушением со стороны сил терроризма режима нераспространения оружия массового поражения. Возникает и развивается негативная тенденция, ориентированная на формирование потенциала, который нацелен на разрушение соответствующих международных договоров. Создается новый канал распространения и боевого применения оружия массового поражения, что, в свою очередь, предельно обостряет проблему сохранения стабильности и обеспечения безопасности на международном уровне. Применение боевиками ИГИЛ-ДАИШ химического оружия в Сирии против мирного населения свидетельствует о освоении ими технологии по производству и боевому применению химического оружия, а также о стремлении переложить ответственность за подобные действия на сирийское руководство, тем самым в большей степени осложнить его позиции в системе международных отношений, вплоть до прямого вооруженного вторжения на её территорию со стороны других государств под предлогом свержения антинародного режима, якобы применяющего против мирного населения оружие массового поражения. Так, например, в апреле 2017 г. США предприняли атаку «предупреждения» (60 крылатых ракет) по сирийской авиационной базе Эш-Шайрат.

В параметрах международной функции выделяется ее геополитический сегмент, нацеленный на изменение геополитического пространства под непосредственным воздействием террористических сил. Подобный алгоритм развития становится возможным при непосредственном включении в политический процесс контролируемых со стороны террористических структур районов, рассматриваемых в качестве плацдармов для осуществления террористических акций, направляемых вовнутрь или вовне «принимающего госу-

дарства». Такие специфические, анклавные военно-политические образования де-факто превращаются в зоны отчуждения от территории государства, разрушают его территориальную целостность и суверенитет.

Одновременно прослеживается стремление сил терроризма изменить геополитическую конфигурацию в ряде регионов мира непосредственно в своих интересах. Складывающаяся политическая реальность показывает, что подобные районы часто становятся опорными пунктами в продвижении влияния третьих сил или стран в избранном регионе. Одним из примеров подобного процесса может служить кавказское направление. Изначально в 90-е гг. XX в. «вынашивались» планы создания так называемого исламского государства «Халифат от моря – до моря» с непосредственным использованием сил международного терроризма, объединенных «под знаменем» ваххабизма.

Подобная линия стратегического поведения была ориентирована на новую «геополитическую трансформацию» политического пространства, основная цель которой – развал России. Главной составляющей в ее достижении являлась тактика, нацеленная на последовательное «отщипывание» от государства его суверенных территорий и создание на них подконтрольных и управляемых извне политических режимов. В данном контексте заслуживает внимание оценка ситуации, сделанная ранее заместителем главы администрации Президента РФ В. Сурковым, относительно террористической деятельности, направленной против России в эти годы: «Они (некоторые политические круги США и стран Западной Европы – А. Ш.) считают своей заслугой почти бескровный коллапс Советского Союза и пытаются развить успех. Их цель – морально-психологическая функция, разрушение России и заполнение огромного пространства многочисленными недееспособными квазигосударственными образованиями» [2].

Геополитическая составляющая международного терроризма отчетливо про-

является на территории Ирака и Сирии. Развернутая там террористическая война, прикрываемая лозунгами создания нового справедливого исламского государства, как антитеза Западу, непосредственно ведет к расколу этих государств по этноконфессиональному признаку. Возникает реальная опасность удержания боевиками власти в своеобразных политических анклавах как источников перманентной террористической угрозы не только для стран Ближнего Востока, но и для всего международного сообщества. В данном случае военно-политическая обстановка прогнозируема с предельно низким уровнем определения возможных направлений её развития на ближайшую и долгосрочную перспективу.

Особое место в функциональной структуре политического терроризма занимает антигуманная, идеологическая и морально-психологическая функция. Ее содержание связано с тем, что в природе терроризма изначально укоренен тотальный антигуманизм. В рамках террористического сознания виновными становятся все, поэтому в сферу террористической деятельности попадают как отдельные слои и социальные группы, так и все общество. Жертвой терроризма может стать любой человек независимо от социального статуса, возраста, пола, национальности, профессиональной принадлежности, образа жизни. Ценность человеческой жизни растворяется в политической цели, она нивелируется и становится средством реализации политических устремлений террористов. В данном контексте интересен нравственно-психологический алгоритм мотиваций террориста, описанный Г. Мирским: «И если спросить такого террориста – разве он не понимает, что от его рук страдают совершенно невинные люди, мирное гражданское население, он ответит: “Враг есть враг, наши женщины и дети тоже страдают, почему мы должны щадить их женщин и детей; наоборот, чем по более чувствительному месту врага мы будем бить, тем более шансов на то, что вражеское общество пойдет нам на уступки, навстречу нашим справедливым требованиям либо будет обречено вечности»

дать, ожидая в страхе, что удары могут обрушиться на кого угодно и в любое время” [2]. Сказанное со всей наглядностью подтверждают террористические акты, осуществлённые в 2015-2017 гг. во Франции, Великобритании, Испании и России.

Здесь раскрывается предельно упрощенный, но не менее опасный для общества «тоннельный» тип сознания, ориентированный на месть, бескомпромиссность, беспощадность не только к тем, кто противостоит террористам, но и тем, кто не разделяет их взгляды.

Параллельно идеологический и морально-психологический компонент данной функции направлен на реализацию идеи по созданию в обществе «стратегии напряженности». В силу этого значительные усилия террористических структур сосредоточены на целенаправленное создание в социуме атмосферы страха, панических настроений, тревожных ожиданий. Подобное состояние массового общественного сознания рассматривается террористами важнейшей составляющей для достижения заявленных политических целей. Одной из сторон данной функций является стремление (на фоне доминирующих негативных переживаний) внедрить в общественное сознание идею некоего морального превосходства террористов над обществом и его властью.

По мнению специалистов, дегуманизация политического бытия способна незримо привести социум в состояние энтропии, в котором размывается основополагающее право человека на жизнь и безопасное существование. Особенно активно подобная тенденция проявляется в зонах повышенной террористической опасности и сопровождается нарастанием катастрофического типа сознания у различных групп населения. Так, в ходе опроса москвичей в октябре 2004 г. на вопрос: «Испытываете ли Вы страх, находясь в многолюдных местах?» ответили положительно 56,9 % опрошенных [2].

О тяжелых социальных последствиях страха, порождаемого террористической деятельностью, пишет Д. Ольшанский:

«Массовый страх не просто ослепляет общество. Он сеет раздоры: мы начинаем бояться не только завтрашнего дня и дальнейшего шокового развития событий — мы начинаем бояться друг друга. Такой страх раскалывает общество, вынуждает одних его членов опасаться других, заставляя их действовать наперекор друг другу. Так возникают действительно неуправляемые и неконтролируемые ситуации» [8].

Рассмотрим криминогенную функцию политического терроризма. Она реализуется в следующих направлениях:

- создание собственной разнонаправленной сферы криминального бизнеса как одного из основных источников воспроизводства финансово-экономического ресурса терроризма. Так, по данным мировых финансовых институтов, в частности Всемирного банка, основная часть из 5 млрд долл. «общака» Бен Ладена и его организации «Аль-Кайда» приходилась на наркоторговлю — около 40 %;

- непосредственное включение в террористическую деятельность криминальных структур: использование их людских ресурсов, налаженных связей, информационных каналов в интересах террористических сил;

- криминализация действующего, властного, административно-управленческого аппарата, включая подкуп, шантаж чиновников, в своих политических целях.

Организационно-мобилизующая функция политического терроризма состоит в том, что осуществляется создание, закрепление и функционирование террористических сил в определённых точках геополитического пространства. Тем самым формируется сетевая структура терроризма, охватывающая целые геополитические регионы. Данная структура способна к расширению или сжатию в зависимости от складывающейся военно-политической обстановки и тех ресурсов и целей, которые ставятся перед боевыми организациями террористов. Важным элементом данной функции выступает организация взаимодействия и координация действий между отдельными компонентами функциониру-

ющей террористической сети. В силу активного давления, которое оказывается со стороны государства на террористов, они вынуждены заблаговременно осуществлять обустройство запасных районов для последующего размещения своих сил и средств, тем самым быть способными вывести их из-под контртеррористического удара. Переходя к тактике «ожидания», отдельные ячейки террористов находятся в «спящем» состоянии, в готовности перейти к активным действиям. Для пополнения своих рядов террористические организации

осуществляют активную вербовку среди разных категорий населения, используя разнообразные ресурсы (финансовые, идеологические, информационные и т. д.) и одновременно создавая террористический резерв для своих структур.

Заключение. Таким образом, функции политического терроризма в значительной степени отражают его сущность, вычленяют его антисоциальную природу и деструктивную направленность содержания создаваемой им политической конструкции.

Список литературы

1. Бочарников И. В. Борьба с терроризмом: между молотом и наковальней? // Власть. 2004. № 2. С. 15–22.
2. Иванов В. Н. Феномен терроризма (экспертные оценки) // Социс. 2005. № 7. С. 63–71.
3. Кожушко Е. П. Современный терроризм: анализ современных направлений. Минск: Харвест, 2000. 448 с.
4. Кудрявцев В. Н. Предупреждение терроризма // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 89–95.
5. Кулинич Р. ИГИЛ в России. Реальна ли угроза мирового терроризма? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.24smi.org/news/27459-igil-v-rossii-na-skolko-realna-ugroza_spect_ob.html (дата обращения: 11.07.2017).
6. Минобороны назвали численность иностранцев в ИГИЛ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.republic.ru/posts/59075> (дата обращения: 12.08.2017).
7. Мирский Г. Дракон встает на дыбы (о международном терроризме) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 36–40.
8. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 286 с.
9. Харлан У. Нельзя навязать ценности: будь то американские или советские // Главная тема. 2004. № 2.
10. Чернов В. М. Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. № 7. С. 1–3.
11. Hoffman B. *Inside terrorism*. London: Victor Gollancz, 1998. P. 112–113.

References

1. Bocharnikov I. V. *Vlast // Power*, 2004, no. 2, pp. 15-22.
2. Ivanov V. N. *Sotsis // Socis*, 2005, no. 7, pp. 63-71.
3. Kozhushko E. P. *Sovremenny terrorism: analiz sovremennykh napravleniy (Modern terrorism: analysis of modern trends)*. Minsk: Harvest, 2000. 448 p.
4. Kudryavtsev V. N. *Obshchestvennye nauki I sovremennost (Social Sciences and Modernity)*, 2004, no. 1, pp. 89-95.
5. Kulinich R. *IGIL v Rossii. Realna li ugroza mirovogo terrorizma? (IGIL in Russia. Is the threat of global terrorism real?)*. Available at: https://www.24smi.org/news/27459-igil-v-rossii-na-skolko-realna-ugroza_spect_ob.html (Data of access: 11.07.2017).
6. *Minoborony nazval i chislennost inostrantsev v IGIL (The Ministry of Defense named the number of foreigners in IGIL)*. Available at: <https://www.republic.ru/posts/59075> (Data of access: 12.08.2017).
7. Mirsky G. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations)*, 2002, no. 3, pp. 36-40.
8. Olshansky D. V. *Psihologiya terrorizma (Psychology of terrorism)*. St. Petersburg: Piter, 2002. 286 p.
9. Kharlan U. *Glavnaya tema (The main theme)*, 2004, no. 2.
10. Chernov V. M. *Revolutsionnaya Rossiya (Revolutionary Russia)*, 1902, no. 7, pp. 1-3.
11. Hoffman B. *Inside terrorism (Inside terrorism)*. London: VictorGollancz, 1998, p. 112-113.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шарапов Александр Константинович, канд. полит. наук, доцент кафедры «Государственное, муниципальное управление и политика», Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: изучение проявлений политического экстремизма в различных сферах общественной жизни, проблемы современной геополитики
aksh@rambler.ru

Alexander Sharapov, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Management and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: study of political extremism manifestations in various spheres of public life, problems of modern geopolitics

Образец цитирования

Шарапов А. К. Деструктивная направленность доминирующих функций терроризма в геополитическом процессе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 9. С. 125–133. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-125-133.

Sharapov A. Destructive orientation of the dominant functions of terrorism in the geopolitical process // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 9, pp. 125–133. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-125-133.

Дата поступления статьи: 29.08.2017 г.
Дата опубликования статьи: 29.09.2017 г.

